

ждающего, совершившего, не думая об этом, подвиг человеколюбия, владыка сравнивает теперь со «сказочным богатырем», с «пустынным ангелом» (259, 261). Только решившись на необычайно рискованное, но необходимое «путешествие» и совершив его по безбрежной снежной пустыне, герой Лескова многое осознал и понял.

Читатель вместе с рассказчиком, пережив разные психологические состояния, пришел к выводу, что риск может иметь не только трагический финал, но и позитивный, делая человека нравственно значительно чище и объективнее

Но если Стефан абсолютно добровольно избрал путь «просвещения» зырян, долго и упорно готовя себя к этому «подвигу», то владыка отправился на очень рискованное предприятие скорее по долгу службы. Заметим при этом, что и в том и в другом случае это было не проявлением фанатизма, а «осознанной необходимостью», вылившейся в особую рода подвиг.

В рассказе Лескова обозначается еще один аспект проблемы, отсутствующий по ряду причин

в «Житии Стефана Пермского»: только жизненный опыт, о котором перед смертью говорит отец Кириак, может свести риск к минимуму. И тот же опыт приобретается через риск.

Примечания

- 1 Древнерусские предания XI–XVI вв. / сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Кускова ; подгот. древнерус. текста и пер. В. В. Кускова, В. А. Грихина, Г. Ю. Филипповского. М., 1982. С. 96. В дальнейшем ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках.
- 2 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 96.
- 3 *Лихачев Д.* Человек в литературе Древней Руси. М. ; Л., 1958. С. 86.
- 4 *Лесков Н.* Собр. соч. : в 6 т. М., 1973. Т. 3. С. 205. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страницы в скобках. Реальный прототип, «высокопреосвященный Нил», служил епископом в Иркутске с конца 1830-х по начало 1850-х гг.

УДК 821.133.1.09-312.6+929 Бюсси-Рабютен

ДВЕ МОДЕЛИ ГАЛАНТНОСТИ В «МЕМУАРАХ» БЮССИ-РАБЮТЕНА

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматривается отражение специфического для французской культуры XVII в. феномена галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена, одного из блестящих представителей этой эпохи.

Ключевые слова: французская литература XVII в., мемуары, галантность, статус аристократии, мемуарно-автобиографические жанры.

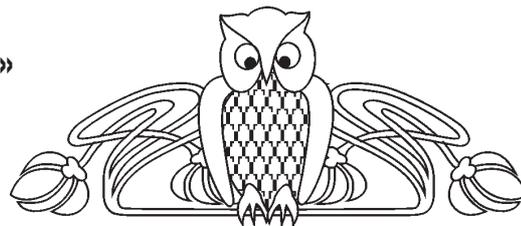
Two Models of Gallantry in Bussy-Rabutin's «Les Mémoires»

S. Yu. Pavlova

The article regards the reflection of XVIIth century French culture specific phenomenon of gallantry in the «Les Mémoires» by Bussy-Rabutin, one of the brilliant representatives of the epoch.

Key words: XVIIth century French literature, memoirs, gallantry, status of aristocracy, memoir and autobiography genres.

Одним из ярких представителей XVII в., который французы называют «великим» или «классическим», можно считать Роже де Рабютена графа де Бюсси (1618–1693). Он был потомком знатного рода, обладал всеми качествами истинного аристократа, но в силу особенностей своего поведения вынужден был рано закончить военную карьеру и пребывать вдали от королевского двора. Находясь

в изгнании, Бюсси-Рабютен описал свою жизнь в «Мемуарах» (1696), отразивших героические взлеты и трагические падения, блестящие перспективы и несбывшиеся надежды, либертинаж и галантность, столь характерные для судьбы аристократа эпохи Людовика Великого.

Расцвет абсолютизма во Франции второй половины XVII в. был ознаменован изменением положения родовой аристократии¹. Ее пошатнувшееся политическое влияние на короля привело к необходимости поиска новых привилегий. Стремясь сохранить статус элиты общества в противовес новоявленному дворянству выходцев из чиновничьего сословия и нарождающейся буржуазии, представители благородных семей сделали ставку на присущий им уровень культуры и образованности, который достигался годами напряженных занятий и каждодневной муштры. Новым устремлениям знати соответствовала галантная модель поведения, распространившаяся в Париже после окончания Фронды. Мода на галантность пришла в светское общество из литературных источников, принадлежавших перу отнюдь не родовитых вельмож². Более того, она изначально базировалась на «индивидуальных качествах и не зависела от социального происхождения»³. Однако именно аристократы в силу своего воспитания и об-

разования наиболее соответствовали тому типу личности, который предлагала галантная модель. Они не преминули этим воспользоваться, чтобы стать главными носителями новых представлений об этико-поведенческих и эстетических ориентирах, подчеркивавших их особое социальное положение. Внедрение галантности в практику повседневного общения облагораживало нравы, развивало чувство меры и вкуса, окультуривало придворное общество, тем самым способствуя укреплению авторитета французской монархии на европейской арене. Галантная модель отвечала интересам абсолютизма, формировала новый образ короля и вскоре стала общепринятой при французском дворе. Признание галантности как официальной морально-поведенческой нормы дало аристократам дополнительный стимул для ее культивирования. Галантное поведение позволило поверженным фрондерам показать свою лояльность по отношению ко двору, заслужить прощение монарха и получить новые привилегии.

Модель галантного человека (*galant homme*) пришла на смену модели порядочного человека (*honnête homme*), которая доминировала в первой половине XVII столетия. Устоявшийся в русском языке перевод прилагательного «*honnête*» как «порядочный» не дает представления о сути этого понятия, восходящего к однокоренному существительному «честь» (*l'honneur*). Именно представление о чести как главной жизненной ценности определяло господствующий тип аристократа в первой половине века. Порядочный человек – это человек чести, которая делала его верным защитником интересов короны. Он видел смысл своей жизни в служении монарху и был готов в любой момент это доказать. Беззаветная преданность, смелость, благородство, честное выполнение вассального долга делали аристократов верной опорой короля в военных кампаниях и достойно вознаграждались с его стороны по окончании сражений. Такая практика отражала взаимозависимость интересов аристократии и монарха, а также элитарное положение знати.

Качества, присущие порядочному человеку, сохранились и в новой поведенческой модели. Галантный человек также превыше собственной жизни ставил честь, обладал отвагой и доблестью. Однако в нем эти качества воина дополнялись другими, связанными с мирной жизнью. Галантность предполагала умение вести себя в свете, поддерживать беседу, красиво выглядеть, нравиться дамам, избегать крайностей, наличие тонкого ума, вкуса, вежливых манер, красноречия, любовь к искусству и литературе. Она не мыслилась без добродетели и благочестия, а в сфере любовных отношений основывалась на глубоком, созревшем и продолжительном взаимном чувстве. Сочетание стольких достоинств сделало «XVII век в глазах француза образцом – без сомнения, непревзойденным»⁴. Такую модель поведения французский исследователь А. Виала назвал «прекрасной

галантностью»⁵. Рассматривая ее особенности, он, в частности, показал, насколько хрупкой была грань между высоким представлением о галантном поведении и так называемой «непристойной галантностью»⁶.

Своеобразие двойственной трактовки феномена галантности уходит корнями в историю. Этимологически прилагательное «галантный» (*galant*) и его производные восходят к корню «*gal*», семантика которого связана с идеей хорошего самоощущения и способности радоваться жизни. Уже в эпоху Средневековья слова с таким корнем варьировали различные оттенки этой идеи: от приятного в общении, веселого, энергичного, наделенного подвижным умом человека до злоязычного насмешника, забияки, обманщика, дебошира, соблазнителя дам и распутника. В словарях XVII столетия закрепились эти противоположные по смыслу значения прилагательного «галантный»⁷. Они отражали неоднозначность феномена галантности и показывали, что в реальной жизни возвышенные его образцы соседствовали с иронически-негативными проявлениями. При этом, как отмечает А. Виала, «некоторые особы могли с успехом быть за и против»⁸ галантности, использовать в своей поведенческой практике обе модели.

Ярким тому подтверждением служит биография Бюсси-Рабютена, которого можно назвать «показательным образцом галантного человека»⁹. О своей жизни он рассказал в «Мемуарах», дополнив список его знаменитых литературных произведений, таких как сатирический роман «Любовная история галлов» и сборник афоризмов «Максимы любви»¹⁰. «Мемуары»⁷, без сомнения, включают его в число мемуаристов, заслуживающих внимания. Их историческая и литературная значимость очевидна для читателей. Ни одно серьезное исследование о двух последних третях XVII века, особенно посвященное войне и галантности, не может не принимать их в расчет»¹¹. Мемуарное сочинение графа охватывает период с момента его рождения до ссылки из Парижа в 1666 г. Бюсси-Рабютен начал работать над ним во время тринадцатимесячного заточения в Бастилии с апреля 1665 по май 1666 г., в последующие пять лет вынужденного пребывания в своем бургундском замке закончил книгу, но, как доказывает французский исследователь Д.-А. Винсент, вносил в нее дополнения вплоть до 1680 г.¹²

Создание мемуаров было весьма распространенным занятием среди французских придворных того времени. Особую значимость работа над ними приобретала для опальных дворян, оказавшихся в изгнании после поражения Фронды или по иным причинам. Обращение к этому жанру они расценивали как возможность реабилитировать себя перед лицом монарха и потомками, а также заполнить досуг полезным и приятным занятием. Такая задача подразумевалась рассказчиком или могла быть напрямую выражена в тексте. Эта

черта характерна и для книги графа. Формально обращаясь к сыну, Бюсси объясняет свои намерения следующим образом: «... когда отец отправил меня в армию, я записывал свои кампании, чтобы лучше запомнить, что там происходило. Вплоть до настоящего момента я поступал так с единственной целью – развлечься, я даже записывал свои мельчайшие занятия. Тем временем несчастья придали моей жизни большую значимость, и я решил ее описать; праздность моего заключения дала мне возможность это осуществить»¹³.

«Мемуары» становятся для Бюсси-Рабютена своеобразным оправдательным словом, которое призвано развеять сложившееся против него предубеждение, причем прежде всего у самого короля. Сетуя на свою злую судьбу, он неоднократно повторяет, что стал жертвой наветов со стороны недоброжелателей и многие годы пытался противостоять клевете: «Итак, все мои старания были направлены на то, чтобы разубедить Его Величество своим послушным поведением (поскольку я точно не знал, за что меня очернили). Я усердно выполнял свои придворные обязанности и не дал врагам ни малейшего шанса» (263). Однако попытки графа показать монарху ложный характер наговоров и обвинений в свой адрес, как правило, не имели успеха. В «Мемуарах» он приводит множество примеров незаслуженных знаков немилости по отношению к себе, например, связанных с отказами короля в получении очередного воинского чина, губернаторства или денежной компенсации, с принуждением к продаже своей должности и т.д. О тех немногих случаях, когда Людовик XIV проявлял внимание к опальному придворному через посредников или удостоивал его личной беседы, Бюсси рассказывает довольно подробно, воспроизводя не только смысл диалога, но и прямую речь его участников. Описывая долгожданную аудиенцию у короля в 1664 г., мемуарист дословно передает обращенное к нему высочайшее повеление: «...обещайте мне, <...> что Вы никогда не сделаете ничего, что могло бы быть мне неприятным» (294). История его взаимоотношений с королем показывает, что именно недопустимые поступки графа, задевавшие интересы приближенных к трону особ, стали главной причиной монаршей немилости. Речь идет о таких эпизодах биографии Бюсси-Рабютена, которые поставили его вне общепринятой при дворе галантной модели поведения.

В ходе развития мемуарного повествования эти эпизоды не замалчиваются, а добросовестно освещаются автором, поскольку установка на правдивость изображения является для него принципиальной: «Возможно, моей искренности удивятся; и в самом деле, не бывает мемуаров, в которых о себе говорят так же, как о другом. Самые честные люди, из тех, кто их писал, не преувеличивали свои добрые поступки, но опускали плохие. Для меня с моей врожденной любовью к правде невозможно ее прятать, даже если она

против меня; я считаю тех, кто хочет представить себя потомкам не такими, какие они есть, столь же смешными, как одноглазый, рисующий автопортрет с двумя глазами» (41). Действительно, Бюсси последовательно передает события жизни, описывает собственные поступки, включая те, которые с позиций времени ему самому кажутся неблагоприятными или ветреными.

Большая часть таких поступков, естественно, приходится на годы молодости. Это и злоупотребление доверием отца ради получения средств на развлечения, и самовольная отлучка из расположения полка, приведшая молодого военного к первому тюремному заключению в Бастилии, и многочисленные любовные ухаживания, вызванные не желанием кавалера сделать приятное даме, а откровенным намерением ее соблазнить. Так, рассказывая о своих первых сердечных увлечениях во время пребывания в Гизе в 1638 г., мемуарист констатирует свою мужскую неопытность в отношениях с хорошенькой девушкой и иронично замечает: «...ее и моя стыдливость (мы оба были очень молодыми и очень глупыми), мешая нам в течение трех месяцев получить гораздо большие удовольствия, чем письма и поцелуи, отвратила меня от этой привязанности; не порвав с ней окончательно, я отважился обратить свой взор в сторону знатной вдовы» (51). Зрелая дама, вдова предыдущего губернатора города, взяла инициативу в свои руки и вскоре дала понять юному ухажеру, как мужчине надлежит вести себя с женщиной. Бюсси признается в чувстве радости, которое он испытал от достигнутой победы и познанных телесных наслаждений, а также сопровождает эту историю рассказом о забавно-дерзких попытках сослуживцев разгадать тайну его любовных походов. Весь эпизод дает наглядное представление о том, что в действительности представляли собой любовные увлечения молодых военных и по сути своей может быть охарактеризован как проявление «непристойной галантности». Отметим, что те элементы поведения, которые ассоциируются с образом «прекрасной галантности», освещаются в этой истории иронически и оцениваются как проявление юношеской наивности. «Я настолько вбил себе в голову, – пишет мемуарист, – что, прежде чем стать любимым знатной женщиной и добиться ее милостей, надо вздыхать, плакать, просить и писать послания, что без всего этого не считал себя достойным ни малейшего расположения. Тем временем вдова, которую моя невинность привела в отчаяние, настолько умело повела игру, что я понежному начал прозревать» (52).

В этом эпизоде Бюсси-Рабютен впервые употребляет слово «галантность» (*la galanterie*) и использует его в значении «любовное приключение». В дальнейшем это слово, а также его производные около трех десятков раз появляются в тексте «Мемуаров», маркируя взаимоотношения мужчин и женщин. Для автора книги галантность предполагает простое увлечение, интрижку, а не

серьезные намерения, «основанные на созревшем чувстве, когда любят того или ту, в ком обнаруживают прекрасное сердце и ум, и любят прекрасной любовью»¹⁴. Галантными приключениями Бюсси называет легкие, забавные, а то и сомнительные любовные истории, которые случились с ним или его друзьями. Помимо уже упомянутых эпизодов, это рассказы об ухаживаниях за мадемуазель де Роморантен и графиней де Бюссе, о похищении вдовы Мирамион, о его участии в сердечных авантюрах Жюмо и Амблевиля и т.д. Сам повествователь ясно осознает разницу между такого рода проявлениями галантности и подлинным чувством. Оценивая свое поведение в молодые годы с позиции умудренного опытом человека, он заключает: «...мое время любить сильно и продолжительно еще не пришло. В самом деле, природа <...> предназначила нашему сердцу соединиться с другим, и до тех пор, пока мы его не найдем, мы совершаем маленькие опыты <...>. Эти маленькие опыты именуется мимолетными влюбленностями; но когда наше сердце, наконец, нашло того, кто ему предназначен, это называется подлинной страстью, которая длится многие годы. Одни долго ее не находят; иные не встречают никогда; что до меня, то в то время я ее только искал» (57–58).

Настоящая любовь пришла к графу уже в зрелые годы, когда зимой 1653 г. он встретил маркизу де Монгла. Сообщая об этом в «Мемуарах», он даже не называет имени своей возлюбленной, а ограничивается констатацией самого факта знакомства и обещанием позднее рассказать обо всем подробнее. Создается впечатление, что повествователь упоминает о маркизе лишь потому, что решил не замалчивать правду, тем более в случае, когда их связь и так получила широкую огласку. Бюсси переживает чувство стыда от того, что «испытывал столь сильную страсть к особе, которая так мало того заслуживала» (168). Печальный для графа финал этой истории (госпожа де Монгла оставила его в самый тяжелый период жизни, причем ради другого мужчины) делает воспоминания о ней мучительными и неприятными. Определяя их взаимоотношения, рассказчик вновь использует слово «galanterie», хотя, в отличие от всех прочих любовных увлечений, чувство графа к маркизе было серьезным и глубоким. Можно предположить, что в данном случае слово выполняет своего рода терапевтическую функцию: с его помощью повествователь пытается смягчить свои страдания, поставив эту связь в один ряд с другими малоозначительными эпизодами своей биографии, в которых один из возлюбленных позволял себе быть неверным. Незадолго до окончания мемуарного повествования граф признается, что ему удалось излечиться от этой страсти. Главным признаком своего «выздоровления» он называет способность рассказать о случившемся в мельчайших подробностях, но, не считая нужным долго развивать «столь неприятный сюжет» (330),

вообще не уделяет ему внимания. В результате «Бюсси избегает необходимости рассказывать о том, что он не хочет доверять читателю»¹⁵, и вопреки своим декларациям фактически умалчивает о любви к маркизе. Довод, который мемуарист приводит в качестве оправдания своей повествовательной стратегии, вряд ли может удовлетворить читателя. Умолчание скорее свидетельствует о глубокой и неизжитой психологической травме, которую в сердце Бюсси оставила госпожа де Монгла. Не случайно свое чувство к ней он чаще всего называет страстью, тем самым выделяя эту историю из числа других – галантных.

В «Мемуарах» галантность подразумевает особый поведенческий код (умение писать письма, вести беседу, танцевать и т.д.), саму способность влюбляться, игровое и даже авантурное начало во взаимоотношениях двух полов, потому что в сознании мемуариста она ассоциируется с молодостью, которой от природы, как правило, присущи горячность, вольнолюбие, непостоянство и многое прощительно. Именно возрастной критерий становится для него определяющим при оценке галантного поведения. «У галантности, однако, есть свои границы, – пишет Бюсси. – В определенном возрасте она выглядит смешной, и если в этом преклонном возрасте остается достаточно пыла, чтобы не пропускать женщин, лучше держаться в комнате, чем крутить любовь на глазах у всех» (293). Такой подход объясняет отношение повествователя к собственным любовным похождениям, о которых он рассказывает легко и немного иронично. Свое поведение граф воспринимает как соответствующее образу галантного человека, хотя объективно оно не вполне отвечает требованиям «прекрасной галантности». Важный уточняющий нюанс в понимание того, что Бюсси-Рабютен имеет в виду под галантным приключением, вносит еще одно авторское высказывание. Рассказывая о характере своего друга Жюмо, он утверждает, что «развратный ум несовместим с галантностью»¹⁶, и далее по тексту повторяет эту мысль в связи с поведением графини де Бюссе, имевшей два десятка любовников. Таким образом, мемуарист, допуская в отношениях между мужчиной и женщиной кратковременность, необязательность, игривость, вольность и даже обман, однозначно не приемлет крайних проявлений «непристойной галантности», которые выливаются в необузданность и разврат.

С представлением об умении кавалера вести себя с дамами связано однокоренное прилагательное (galant), которое Бюсси чаще всего употребляет в словосочетании «галантный человек». В «Мемуарах» оно имеет положительную коннотацию и служит способом характеристики значимых для светского человека достоинств. Первое место в ряду галантных мужчин своей эпохи повествователь отводит Людовику XIV, называя его «самым галантным принцем на земле, чей пример побуждает придворных ухаживать

за дамами» (293). Превосходная степень сравнения, которую использует Бюсси, подтверждает высокий статус «прекрасной галантности» при дворе французского короля. Создаваемый им образ монарха как наиболее учтивого и приятного кавалера усиливается упоминанием о галантных праздниках, ставших яркими событиями в жизни светского общества. Мемуарист рассказывает о празднике в замке Во-ле-Виконт, устроенном сюринтендантом финансов Фуке в честь короля в августе 1661 г., и знаменитых «Удовольствиях волшебного острова», костюмированном празднике в Версале 7 мая 1664 г., «самом галантном и самом великолепном, какой только можно вообразить» (284).

В нескольких случаях прилагательное «галантный» получает под пером Бюсси дополнительные оттенки смысла, выходящие за границы высокой образности. Описывая утренний наряд одной знакомой дамы, он употребляет это слово в значении «пикантный», а также использует в сочетании с существительным «ум», подразумевая такие его свойства, как живость, проницательность, насмешливость¹⁷. Отмеченные словоупотребления свидетельствуют о том, что повествователь тонко чувствовал подвижность смысловых оттенков, связанных с реальным бытованием феномена галантности во Франции второй половины XVII в.

«Мемуары» Бюсси-Рабютена показывают, что его образ жизни отражал обе модели галантности: прекрасную и непристойную. С одной стороны, он выше собственной жизни ставил честь, был верным подданным короля, храбрым военным, отличался образованностью и литературным талантом, обладал светскими манерами и тонким умом. Подтверждением этих качеств автора книги служат не только изложение событий его жизни, но и оценки других людей, которые он приводит в тексте. Герцог Энгинский, будущий принц Конде, высоко отзываясь о воинской доблести Бюсси во время осады Мардика (102), Мадам называет графа «честным человеком» (291), отстаивая его невиновность перед королем, кузина повествователя, маркиза де Севинье, пишет об удовольствии быть с ним рядом (108), наконец, Людовик XIV и его приближенные с удовольствием читают поэтические «Максимы любви» (292) и т. д. С другой стороны, любовные похождения, дуэли, карточные долги – малопривлекательные, но все же привычные атрибуты жизни родовитого аристократа XVII в. – в случае с Бюсси становятся лишь прелюдией к поступкам скандального характера, взбудоражившим общественное мнение. Речь идет о дебоше в Руасси и обнародовании романа «Любовная история галлов». Первый инцидент произошел в 1659 г., когда накануне Страстной пятницы Бюсси в компании друзей развлекался, предавался чревоугодию и богохульствовал. За покушение на устои религии и морали он получил монаршее повеление покинуть

Париж и жить в своем родовом замке в Бургундии, что для аристократа было равнозначно полному забвению. Летом следующего года начала разворачиваться еще одна история. Ради собственного развлечения и удовольствия маркизы де Монгла граф написал роман о любовных похождениях двух дам. В героях этого литературного сочинения придворные легко узнали графиню д'Олонн, герцогиню де Шатийон и некоторых других приближенных Людовика XIV, в том числе членов его семьи. Роман распространила госпожа де Ла Бом, обманном путем заполучившая рукопись у Бюсси. Автор «Любовной истории галлов» сатирически высмеял нравы великосветских особ, показав оборотную, непристойную сторону «прекрасной галантности». Такой вызов принятым в обществе представлениям о морали и приличиях королевский двор ему не простил. Обнародование и последующая публикация романа окончательно разрушили репутацию графа, повлекли за собой еще большие гонения, приведшие в конечном итоге к тюремному заключению и длительному изгнанию.

Об этих эпизодах своей жизни Бюсси также рассказывает довольно подробно. Его цель, как уже отмечалось выше, – оправдаться перед королем и получить монаршее прощение. Для этого повествователь излагает свою версию произошедшего, вносит важные уточнения, опровергает наветы врагов и злопыхателей. Смысл оправданий графа в обоих случаях сводится к тому, что его действия не были продиктованы намерением высмеять или оскорбить высокородных особ и общепринятые морально-поведенческие нормы. Важно отметить, что при дворе Людовика XIV очень большое значение придавалось градациям смеха. Умение галантных придворных изящно шутить всячески приветствовалось, однако насмешка была под запретом: «...тонкая шутка не должна содержать сатиру, она должна объединять общество и никоим образом не подвергать опасности социальные связи. Можно посмеяться над надоедливым человеком, но нельзя подшучивать над человеком порядочным, самое большее над тем, что он сказал в данный момент, но не над тем, что он собой представляет и как себя ведет»¹⁸. Хотя мемуарист настаивает на своем желании оставаться в границах допустимого, объективно обе истории показывают, что насмешка, ставшая главным орудием Бюсси-Рабютена, поставила его вне господствовавшей социальной модели, сделала антиподом идеала галантного человека.

Своеобразной попыткой доказать обратное, дистанцироваться от нелицеприятного образа беспощадного остроумца и насмешника, показать себя в наиболее выгодном свете стали «Мемуары» графа. Они дали ему возможность не только высказаться, но и самой своей формой убедить потенциальных читателей в высоких достоинствах и неоспоримых талантах их создателя. Как настоящий галантный сочинитель Бюсси стремится

сделать произведение интересным и облегчить его восприятие. Словно следуя наставлениям своей знаменитой современницы Мадлен де Скюдери, называвшей в числе двенадцати скучных тем, которые не следует затрагивать в галантной беседе, семейную генеалогию¹⁹, граф предельно кратко говорит о своем происхождении, хотя традиционно в жанре мемуаров описание родового древа занимает существенное место. Рассказы о военных кампаниях, которые в произведениях других мемуаристов нередко грешат длиннотами и узко профессиональными подробностями, он чередует с описанием любовных приключений, что особенно очевидно на протяжении первой половины книги. Его галантные истории превращаются в занимательные новеллы, которые можно с удовольствием читать как отдельные произведения. Жанр мемуаров, не обремененный грузом канона, позволяет Бюсси-Рабютену максимально разнообразить повествование. Он включает в «Мемуары» письма, портреты, афоризмы, фрагменты своих поэтических произведений и переводов, а также ходатайство на имя короля, составленное в изящной стихотворной форме. Даже если отдельные повествовательные элементы (например служебная переписка) утяжеляют текст, то другие (галантные новеллы, стихи) делают его динамичным и увлекательным.

Помимо композиции, важную роль в поддержании образа галантного сочинителя играет авторский стиль. Мемуарист избегает усложненных эпитетов и тяжеловесных перифраз, пишет ясно, взвешено, точно, сохраняя при этом изящество и выразительность. Ярким подтверждением этому являются его письма к маркизе де Севинье. Они особенно наглядно дают представление о «среднем стиле»²⁰ или «среднем регистре»²¹, который отличал галантную манеру речи и письма. Ее характерными приметами были уместность, способность адаптироваться к ситуации, естественность, непринужденность, отсутствие напыщенности и грубых словоупотреблений, умение использовать разнообразные стилистические, интонационные, жанровые элементы. Прекрасным образцом стиля мемуариста служат и портреты, в которых он подробно описывает короля и других высокопоставленных лиц (принца де Конти, маршала де Тюренна, кардинала Мазарини и других). Автор книги стремится объективно взглянуть на человека, подчеркнуть его достоинства и при необходимости корректно отметить недостатки. Как правило, слабые стороны личности повествователь перекрывает ее неоспоримыми плюсами. Так, рисуя портрет маршала де Тюренна, одного из главных виновников своей опалы, Бюсси воздает ему по заслугам: «У него были толстые и сросшиеся брови, что придавало его лицу несчастное выражение. (Одним словом, внешне он не выглядел, как герой, хотя в душе был им.) Он столько раз бывал на войне, что с его здравым смыслом и необычайным профессиональным рвением он

стал самым великим полководцем своего века» (163–164). Включая портреты в число несомненных достоинств «Мемуаров» Бюсси-Рабютена, В. Д. Алташина заключает: «... однако следует отметить, что его сатирический дар, известный по предыдущим произведениям, здесь совсем не проявляет себя <...> в его произведении не встретишь острого словца или едкой иронии»²². Эта верно подмеченная отечественным литературоведом особенность объясняется, на наш взгляд, теми горькими уроками, которые мемуарист извлек из своего жизненного опыта. Он самым тщательным образом намеренно избегает насмешливых и сатирических интонаций, чтобы остаться в границах того регистра социальной коммуникации, который предписывала «прекрасная галантность». Сдержанный, уважительный, корректный стиль повествования призван был стать еще одним способом самореабилитации графа и вернуть его в лоно галантного общества.

Таким образом, с точки зрения соответствия принятой при дворе Людовика XIV галантной модели поведения «Мемуары» предлагают двойственный портрет их создателя. Они показывают, что в биографии графа отразились элементы «прекрасной» и «непристойной» галантности. Чутко улавливая ее метаморфозы, на определенном этапе жизни Бюсси все же нарушил установленные морально-поведенческие нормы, что привело к краху его придворной карьеры. Создание «Мемуаров» стало способом компенсации этого неуспеха и попыткой вернуть себе репутацию галантного человека, «который претендует на светскую и литературную славу так же, как и на славу военную, который умеет пленить пером и словом так же, как и шпагой»²³.

Примечания

- 1 См. подробнее: Павлова С. Статус мемуаров во французской литературе XVII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика, вып. 1. С. 31–36.
- 2 В ряду этих источников сочинения Вуатюра, Скюдери, Сореля, Пелиссона и некоторых других.
- 3 *Viala A.* La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris, 2008. P. 195.
- 4 *Бордонов Ж.* Мольер. М., 1983. С. 216.
- 5 *Viala A.* Op. cit. P. 31.
- 6 *Ibid.* P. 204.
- 7 Подробнее об этимологии и смысловых значениях слов с корнем «gal» см.: *Ibid.* P. 19–39.
- 8 *Ibid.* P. 204.
- 9 *Ibid.* P. 205.
- 10 Первый полный перевод этих произведений на русский язык вышел в серии «Литературные памятники» в 2010 г. Издание включает и другие сочинения автора, а также отрывки из посвященных ему сочинений современников. Оно снабжено примечаниями, «ключом»

(указателем имен), генеалогической таблицей, развернутой статьей Т. О. Кожановой о жизни и творчестве Бюсси-Рабютена (см.: *Бюсси-Рабютен*. Любовная история галлов / подг. Т. О. Кожанова, Л. Г. Ларионова, М. Н. Морозова, Л. А. Сифурова. М., 2010).

- 11 *Vincent D.-H.* Introduction // *Bussy-Rabutin, comte de. Mémoires*. Paris, 2010. P. 24.
- 12 *Ibid.* P. 11.
- 13 *Bussy-Rabutin R. comte de. Mémoires*. P. 31. Далее текст цитируется в нашем переводе по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 14 *Viala A.* Op. cit. P. 159.
- 15 *Lesne E.* La poétique des mémoires (1650–1685). Paris, 1996. P. 357.
- 16 *Bussy-Rabutin R. de. Mémoires de Roger de Rabutin, comte de Bussy*: en 2 vol. / nouv. éd. par L. Lalanne. Paris, 1857. Vol. I. С. 45. URL: <http://books.google.ru/books?id=gy48hiwmWvQC&printsec=frontcover&dq=Memoires+du+co>

mte+de+Bussy-Rabutin&hl=ru&sa=X&ei=mCrgT5mGP MbP4QT53bzyDQ&sqi=2&ved=0CEIQ6AEwAw#v=on epage&q&f=false (дата обращения: 07.07.2012).

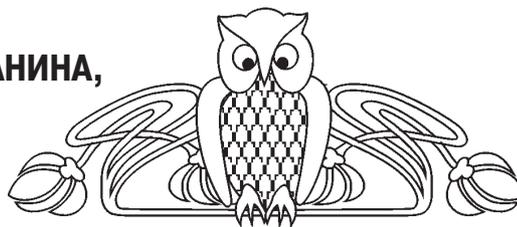
- 17 О свойствах «галантного ума» см.: *Viala A.* Op. cit. P. 22.
- 18 *Ibid.* P. 122.
- 19 См.: *Scudery M. de.* De la conversation // *Scudery M. de.* «De l'air galant» et d'autres conversations. Paris, 1998. P. 69.
- 20 *Viala A.* Op. cit. P. 122.
- 21 *Кожанова Т.* Бессмертный шедевр великого неудачника // *Бюсси-Рабютен*. Любовная история галлов. С. 236.
- 22 *Алташина В.* Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). СПб., 2005. С. 47.
- 23 *Garapon J.* Les mémoires du XVIIe siècle, nébuleuses de genres // *Le Genre des mémoires. Essai de définition*. Colloque international des 4–7 mai 1994 à Strasbourg. Paris, 1995. P. 267.

УДК 821.111.09-3 Квинси

ПОЭТИКА ПЕРЕПИСЫВАНИЯ В РОМАНЕ ТОМАСА ДЕ КВИНСИ «ИСПОВЕДЬ АНГЛИЧАНИНА, УПОТРЕБЛЯВШЕГО ОПИУМ»

О. А. Джумайло

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
E-mail: dzum2@yandex.ru

В статье предложен новый подход к прочтению поэтики романа Т. де Квинси «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» сквозь призму концепции следа Ж. Деррида. Исповедальное самопознание «я» в романе предстает как переписывание (перечитывание) следов на палимпсесте судьбы.

Ключевые слова: поэтика переписывания, палимпсест, след, исповедальный роман, Томас де Квинси, Жак Деррида.

Poetics of Rewriting in Thomas de Quincey's Novel «Confessions of the English Opium-Eater»

О. А. Dzhumailo

This article proposes a new approach to the poetics of Thomas de Quincey's «Confessions of the English Opium-Eater» through trace notion coined by Jacques Derrida. Confessional self-understanding in the novel is asserted in rewriting (rereading) of traces in the personal palimpsest of fate.

Key words: rewriting poetics, palimpsest, trace, confessional novel, Thomas de Quincey, Jacques Derrida.

Исследования феномена Томаса де Квинси в настоящее время переживают бум. С 1980 г. вышло более десяти научных монографий, посвященных творчеству блестящего литератора, дающего многообразные поводы для осмысления романтической, постромантической и викторианской культуры, политики и словесности¹. Примечательно, что текст де Квинси, оставившего исполненный автобиографизма роман «Исповедь

англичанина, употреблявшего опиум», вызывает интерес специалистов, работающих в междисциплинарном поле. Социальные, политические, экономические, гендерные, религиозные, эстетические, медицинские аспекты, вопросы языка и риторики оказываются в фокусе внимания исследователей. Вместе с тем новые подходы к определению своеобразия романа де Квинси далеко не всегда предлагают связный комментарий его уникальной поэтики.

Однако если рассматривать исповедальный роман де Квинси как поиск основ самопознания, то мнимая дискретность его «письма» обернется моментальными прозрениями «Я», вновь и вновь предпринимаемыми попытками рассказчика запечатлеть фрагменты связного текста об обнаружении «Я» в памяти и опыте. Более того, де Квинси не только создает поэтику переписывания (перечитывания), но и находит для нее эмблематичный образ – палимпсест.

«Что такое мозг человеческий, как не дарованный нам природой исполинский палимпсест? Мой мозг – это палимпсест; твой, о, читатель, – тоже. Потoki мыслей, образов, чувств, непрестанно и невесомо, подобно свету, наслаивались на твоё сознание – и каждый новый слой, казалось, безвозвратно погребал под собой предыдущий. Однако в действительности ни один из них не исчезал бесследно <...> На нашем собственном